

Когда Чэн Цзие потянулся к пульту, закадровый голос в телевизоре уже вовсю вещал о вещах весьма двусмысленных. Пытаясь сохранить невозмутимый вид, он промахнулся и нажал не ту кнопку.

Вместо того чтобы выключить экран, он выкрутил громкость на максимум, и дурацкий старый диск, откопанный бог знает где, услужливо взревел на всю комнату.

Темноволосый вокалист едва удержал маску равнодушия. Как назло, сидевший рядом Юй Сингэ повернулся к нему и с легким недоумением спросил:

— Что-то не так?

Палец Чэн Цзие, уже зависший над красной кнопкой выключения, замер. Юй Сингэ опустил взгляд на пульт, который вокалист только что выудил из щели между диванными подушками.

Чэн Цзие запоздало понял, что выдал себя с головой. Его реакция была слишком бурной.

Он медленно опустил руку и как ни в чем не бывало отложил пульт в сторону. Сглотнув подступивший к горлу ком, Чэн Цзие ответил на удивление ровным голосом:

— Ничего.

Ему действительно не следовало так дергаться. Глупо и непрофессионально.

Тема-то вполне обычная. Квир-эстетика всегда шла рука об руку с рок-музыкой, а публичные признания в бисексуальности во время бунтарских движений прошлого века и вовсе считались пиком моды. Поспешно выключи он телевизор прямо сейчас — это выглядело бы куда подозрительнее.

Чэн Цзие заставил себя выбросить из головы только что прозвучавшие, едва ли не балансирующие на грани приличия откровения. С трудом выдавив подобие улыбки, он вновь уставился на экран.

К счастью, цензура пропустила этот диск не просто так. Пикантную тему замяли буквально за пару фраз, повествование вернулось в привычное русло, а голос диктора снова стал ровным, усыпляющим и невыносимо занудным.

Юй Сингэ досматривал фильм с заспанным лицом. Казалось, тот провокационный эпизод, выбивавшийся из общего тона, прошел совершенно мимо его ушей. Как только диктор углубился в скучные подробности, парень сладко зевнул.

«Значит, для него это в порядке вещей?» — подумал Чэн Цзие.

Он украдкой скользнул по нему взглядом. В глубине его темных, почти черных глаз вспыхнул и затаился лихорадочный, горячий блеск, которого он сам за собой не замечал.

В полумраке комнаты пахло картофельными чипсами. Растрепанная черная челка скрывала лицо Чэн Цзие, мешая понять, о чем думает этот молчаливый молодой человек, делающий вид, что увлечен документалкой.

Но Юй Сингэ почувствовал этот взгляд. Он повернул голову, и их глаза встретились в полутьме.

Пальцы вокалиста на мгновение оцепенели, но лицо осталось невозмутимым. Он лишь слегка, почти незаметно улыбнулся, скрывая малейшие признаки замешательства.

Кудрявому гитаристу это безразличие показалось забавным. Отложив шуршащий пакет с чипсами, он вольготно закинул руку на плечо Чэн Цзие, притягивая его ближе.

Телевизор продолжал бубнить, но отзвуки ушедшей эпохи внезапно показались бесконечно далекими. Юй Сингэ заговорил тихо, но уверенно:

— Сдается мне, братец, я кое-что понял.

Чэн Цзие и бровью не повел, только ресницы его едва заметно дрогнули. С такого близкого расстояния Юй Сингэ мог разглядеть их во всех деталях, но эти бездонные, антрацитовые омуты не выдавали ни единой эмоции. Ни капли лишнего тепла. Вокалист ни за что на свете не раскрыл бы гитаристу свои тайные мысли. Он ответил со сдержанной непринужденностью:

— И что же?

Вместо ответа Юй Сингэ легонько ткнул пальцем его в щеку. Кожа под пальцами оказалась на удивление мягкой и теплой. Гитарист ухмыльнулся:

— А то, что ты в последнее время ведешь себя очень странно.

У Чэн Цзие пропустило удар сердце. Он инстинктивно подался назад, глубже увязая в мягкой обивке дивана и прижимая руку Юй Сингэ к спинке. Подушки дивана податливо просели под их весом.

— Ты постоянно на меня смотришь. Ведь так? И не спорь. Ты явно что-то от меня скрываешь. Признавайся.

Наглые искры плясали в янтарных глазах гитариста, когда он заглянул Чэн Цзие прямо в душу. Это прозвучало не как вопрос, а как неопровержимый вердикт.

«Неужели он догадался?»

Мышцы Чэн Цзие каменно напряглись, лишь на губах застыла вымученная, натянутая улыбка.

«Он всё знает... Нет, этого не может быть».

Расстояние между ними сократилось до каких-то жалких двадцати сантиметров. Их дыхание смешалось, согревая кожу.

Сердце Чэн Цзие колотилось как безумное. На долю секунды его парализовал страх: а что, если Юй Сингэ действительно давно обо всем догадывался? От этой мысли кровь прилила к вискам. Чэн Цзие хотел что-то сказать, но слова застревали в горле — оправдываться было не в чем и некогда.

Юй Сингэ придвинулся еще ближе. Его смеющиеся глаза были так близко, что казалось, еще мгновение — и он коснется его губ поцелуем.

Чэн Цзие сглотнул. Горло пересохло. В этой панике, в этой невыносимой жажде вдруг затеплилась крошечная, безумная искра надежды.

«Если он знает... то что думает обо всем этом?»

Душа ушла в пятки, а затем замерла в томительном ожидании.

Единственным источником света в комнате оставалось холодное мерцание экрана. Синеватые блики ложились на старый диван и лица двоих, застывших друг напротив друга.

Пальцы Юй Сингэ лениво скользнули по теплой коже на затылке Чэн Цзие. Заглянув ему в глаза, гитарист заговорщически подмигнул.

В его карих глазах плескалось лукавство. Юй Сингэ отчетливо чувствовал, как напряжен вокалист. Между ними сгущалось осязаемое, удушающе-сладкое напряжение. Горячее дыхание щекотало шею, заставляя кожу покрываться мурашками.

И все же никто из них не решался сделать последний шаг.

Чэн Цзие отвел взгляд и уставился в экран, судорожно цепляясь за мелькающие кадры, словно за спасательный круг. Сдерживаемые чувства затапливали разум, лишая способности здраво рассуждать. В мыслях царил полный хаос.

В тишине темной комнаты телевизор продолжал безучастно крутить бесконечную хронику.

Чэн Цзие медленно разжал кулак. Внезапно все его страхи показались неважными.

В конце концов, терять ему было почти нечего. Если все рухнет — пусть. Юй Сингэ держал в руках всю власть над ним, и у Чэн Цзие накопилось слишком много невысказанного. Стоило парню произнести лишь одно слово, признать, что он понимает, и Чэн Цзие выложил бы все карты на стол. Тогда он наплевал бы на любые приличия и условности. Если бы только Юй Сингэ сказал это... Если бы только признался, что знает.

В черных зрачках вокалиста отражался лишь силуэт мягких кудрей Юй Сингэ. В этих тесных, обманчиво ласковых объятиях сердце Чэн Цзие колотилось на грани аритмии.

Но Юй Сингэ промолчал.

Он небрежно убрал руку с плеча Чэн Цзие и отстранился так непринужденно, словно ничего не произошло. В самый последний момент коварный гитарист отпустил свою жертву, сохранив на лице маску полнейшей невинности.

— Не знаю, что и думать. Наверное, мне просто показалось, — с улыбкой произнес он.

Повисший в воздухе дамоклов меч со свистом рухнул мимо, и Чэн Цзие наконец смог выдохнуть.

Безжалостный мучитель, только что перевернувший всю его душу вверх дном, беззаботно шурился, явно не осознавая — или делая вид, что не осознает, — насколько жестокой была эта игра.

Чэн Цзие пристально вглядывался в его лицо. Выражение его собственного лица потемнело; во взгляде сквозила холодная, затягивающая глубина предгрозового океана.

В конце концов Чэн Цзие сухо усмехнулся. В комнате как будто мгновенно похолодало на несколько градусов.

— Раз тебе так кажется, пусть будет так, — глухо отозвался он, изо всех сил сдерживая клопочущие внутри эмоции.

Юй Сингэ мысленно усмехнулся.

«Разозлился».

Любой взрослый человек понял бы, что их игра давно перешла все границы дозволенного. Они балансировали на грани откровенного флирта, и для простых друзей подобная близость была непозволительной роскошью. Оба это прекрасно понимали.

Повисшее в воздухе напряжение не рассеивалось. Юй Сингэ продолжал с улыбкой созерцать экран, а Чэн Цзие сидел рядом, мрачный как туча. Оба делали вид, что увлечены фильмом, хотя на самом деле их мысли витали далеко отсюда. Комната медленно погружалась в удушливое, вязкое молчание.

Атмосфера была пропитана недосказанностью, и Чэн Цзие еще никогда в жизни так яростно не ненавидел эту неопределенность. Он не мог понять, взаимны ли его чувства, и не знал, радоваться ли этому внезапному спасению или задыхаться от глухой тоски.

Еще немного, и он просто сорвется.

Экран изливал на них мертвенно-бледный, почти больничный свет. Рядом на диване тихо сопел спящий Чарльз. Чэн Цзие до боли сжал кулаки.

Встретить он этого упрямого раньше, в годы своей бурной, мятежной юности, он бы не раздумывал ни секунды. Ему было бы плевать на сомнения Юй Сингэ — он просто забрал бы свое силой. Встретить он его позже, когда юношеский пыл поутих бы и сменился мудрым цинизмом, он смог бы отпустить его с легкой грустью и остаться просто хорошим другом.

Но судьба столкнула их именно сейчас. И теперь Чэн Цзие застрял в этой ловушке: ни удержать, ни отпустить. Полная, изматывающая неопределенность.

Фильм наконец подходил к концу. Даже голос диктора зазвучал бодрее, словно тот радовался окончанию работы. Но в комнате от этого легче не стало — тишина давила на плечи могильной плитой.

Понимая, что пытка занудной документалкой окончена, Юй Сингэ с облегчением потянулся к стакану. В следующий раз нужно будет на корню пресекать любые попытки Чарльза протащить в студию диски со своей сомнительной коллекцией. Сам-то уснул на середине, а им пришлось отдуваться.

Юй Сингэ повернулся к Чэн Цзие с таким видом, будто и не он только что устраивал здесь сцену:

— Как думаешь, когда этот сурок соизволит проснуться?

Спросил так буднично, словно ничего особенного между ними не произошло.

Чэн Цзие смерил его тяжелым взглядом. На экране как раз поползли финальные титры; вокалист молча покачал головой и решительно нажал на кнопку выключения пульта.

Стоило навязчивому шуму смолкнуть, как спавший на краю дивана Чарльз заворочался. Резкая смена звукового фона заставила его мозг встрепенуться. Он протяжно зевнул, со стоном

протер заспанные глаза и наконец сел.

Совершенно не подозревая о буре, бушевавшей здесь минуту назад, барабанщик уставился на погасший экран:

— Всё, лавочка закрылась?

Вокалист одарил его короткой, странной улыбкой. Чарльз нутром почуял неладное — словно пока он спал, произошло нечто из ряда вон выходящее. Он перевел растерянный взгляд на Юй Сингэ.

— Мы досмотрели без тебя, пока ты пускал слюни, — равнодушно обронил Чэн Цзие. — В следующий раз постарайся проснуться пораньше.

Юй Сингэ не удержался от смешка, уловив в его голосе скрытую издевку.

Чарльз лишь почесал затылок:

— Ну извините. Скучища смертная, я честно пытался держаться.

Он снова зевнул, выудил из-за спинки дивана куртку, встряхнул ее и бросил взгляд на темнеющее за окном небо.

— Между прочим, ты сам этот шедевр притащил, — подколот его Юй Сингэ.

Чарльз, влезая в рукава куртки, запричитал:

— Да ладно вам, я его наугад из коробки в репетиционной выудил. Ладно, засиделся я у вас, пора бежать. Меня вообще-то девушка ждет на свидание.

При упоминании о подруге лицо Чарльза так и просияло, а остатки сонливости мигом улетучились.

— Бывайте, одинокие сердца!

Он распахнул дверь и победно подмигнул обоим. Пусть эти двое — главные любимчики публики и признанные красавцы, зато в личной жизни он их уделал по всем фронтам.

Юй Сингэ скептически усмехнулся и помахал ему рукой на прощание.

Чарльз закрыл за собой дверь и начал спускаться по пыльной лестнице. Прохладный воздух ударил в лицо, окончательно прочистив сонные мозги.

«Погодите-ка... Что там у них стряслось? Когда я только открыл глаза, в комнате прямо искрило».

Да уж, атмосфера была более чем странной. Казалось, они вот-вот вцепятся друг другу в глотки. Прямолинейный барабанщик не отличался тонкой душевной организацией, но даже он почувствовал это глухое напряжение. Почесав затылок, он поспешил вниз.

После ухода Чарльза в студии вновь воцарилась прежняя тишина, прерываемая лишь далеким гулом улицы.

Юй Сингэ поднялся с места и достал диск из проигрывателя. Диск с негромким щелчком выдвинулся из лотка. Забрав пластиковую коробку, он снова с комфортом развалился на диване.

Яркая, безвкусная обложка гласила: «Эпоха рок-н-ролла». Обычная дешевая штамповка, на которую Юй Сингэ при других обстоятельствах даже не взглянул бы.

Чэн Цзие забрал у него коробку. На кричащем заднике красовалось подробное оглавление со списком глав. Перед глазами снова всплыли те самые откровенные кадры и двусмысленные фразы диктора. Голова разболелась с новой силой. Чэн Цзие со вздохом потер виски.

«Когда этот ублюдок Шэнь Чжи полез к Юй Сингэ, тот отделал его так, что мало не показалось. Но если признаюсь я... меня-то он бить не станет?» — мрачно пошутил про себя вокалист.

Но одно было ясно наверняка: после этого они больше никогда не смогут быть просто друзьями.

И все же желание сорвать эту маску притворства становилось невыносимым. В этот момент ему было плевать на последствия.

Он посмотрел на Юй Сингэ, который лениво крутил диск на пальце. Сомнения разрывали Чэн Цзие на части. Получить отказ — полбеда. Юй Сингэ не станет устраивать скандал и не разорвет с ним отношения, но между ними навсегда встанет глухая стена неловкости.

Но даже если тот ответит взаимностью... принесет ли это счастье? Как им жить дальше? Готов ли он обречь своего гитариста на косые взгляды и пересуды общества?

Молчание казалось единственным верным выходом. Главное, чтобы Юй Сингэ больше не испытывал его на прочность.

Чэн Цзие отвел взгляд от его темных кудрей. Перед глазами еще стояли черные силуэты, расплывающиеся на блеклой стене. В воздухе едва уловимо пахло сладковатым ароматом китайской аглайи — нежным запахом, который хотелось вдыхать вечно.

Юй Сингэ лениво вертел в руках пластиковую коробку. Заметив, как помрачнел Чэн Цзие, он мысленно усмехнулся. Мысли главного героя оставались для него загадкой, но правила игры требовали соблюдения роли. Он не мог допустить выхода из образа, а значит, сделать первый шаг должен был именно Чэн Цзие.

Чувства Чэн Цзие всегда напоминали плотно запертый ларец, но глупо отрицать очевидное — в этот капкан угодили оба, хоть и упорно продолжали играть в молчанку. Они словно вернулись к самому началу: хрупкое, неосязаемое притяжение, значение которого ни один из них не решался признать вслух.

Наконец Юй Сингэ аккуратно убрал диск в коробку и легко поднялся с дивана, вновь приняв свой привычно-беззаботный вид:

— Ладно, пошли вниз. Время ужинать.

Чэн Цзие ухватился за протянутую ладонь. Металлическое кольцо от связки ключей больно врезалось в пальцы, оставляя красный след, но он даже не заметил этого, не отрывая взгляда от глаз Юй Сингэ.

Тот лишь тепло улыбнулся в ответ. Кончики пальцев Чэн Цзие судорожно дрогнули.

«Надо будет найти способ и хорошенько его подтолкнуть», — пронеслось в голове у Юй Сингэ, и на его губах заиграла едва заметная лукавая усмешка.

<http://bllate.org/book/18241/1765498>